

Л. А. Зандер

**Бог и мир (миросозерцание
отца Сергия Булгакова)**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л. А. Зандер**
Бог и мир (миросозерцание отца Сергия Булгакова): Том 1 / Л. А. Зандер – М.: Книга по Требованию, 2012. – 473 с.

ISBN 978-5-458-23869-4

Эта книга была задумана, а в значительной своей части и составлена автором еще при жизни отца Сергия. Когда была написана "Невеста Агнца", философское и богословское творчество о. Сергия казалось законченным, и стало возможным рассматривать его как целостную систему. И когда осенью 1942 года автор обратился к нему с просьбой благословить труд, посвященный анализу его мировоззрения, он не только дал свое согласие и одобрение, но и отнесся к книге с большим вниманием. Булгаков прочитывал рукопись, делая свои пометки, исправляя неточности, дополняя недостатки. Таким образом, им были прочитаны части I и II и первая глава части III, все остальное написано уже после его смерти.

ISBN 978-5-458-23869-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ХАРАКТЕРИСТИКА О. СЕРГИЯ КАК МЫСЛИТЕЛЯ И ПИСАТЕЛЯ.

Настоящее исследование ставит себе задачу понять философское и богословское творчество отца Сергия Булгакова в его совокупности и внутреннем единстве, истолковать его как целое, понять его, как систему. Вследствие этого все, что относится к жизни о. Сергия — его удивительная биография, влияния, испытанная им в его философском пути, его значение в истории русской мысли, его место в русской церкви остаются за пределами нашей работы. Мы имеем дело с его богословским и философским творчеством, закрепленным в его печатных (и отчасти ненапечатанных) трудах и представляющим — по своему внутреннему устремлению и философскому пафосу — целостное единство, позволяющее нам говорить о его системе. С этой точки зрения его мысль должна быть изучаема вне времени и независимо от ее исторической обстановки; как мыслитель о. Сергий является современником великих философов и богословов прошлого, и значение его творений выясняется именно из их сопоставления с этими “вечными” вехами человеческой мысли.

Однако, для большего проникновения в стиль и характер мысли о. Сергия нам необходимо хотя бы в краткой форме коснуться тех личных данных, которые влияли на его мышление не в качестве однократных событий, но как факторы действующие постоянно и свойственные самой природе его духовного творчества. К таковым, с одной стороны, относятся те черты, которые характеризуют его как мыслителя — ученого, философа и богослова; а с другой стороны, — те условия окружающей его действительности, которые повлияли на его систему, путем предоставления ей определенного исторического “языка”, благодаря которому она является принадлежащей не только к сокровищнице человеческой мудрости как таковой, но и к определенной эпохе в развитии русской мысли.

К первым “личным” факторам относится, во-первых, та черта о. Сергия, которую лучше всего охарактеризовать любимым термином Достоевского — “почвенность”. Сын священника в 6 поколении священства, связанный всеми нитями своего фи-

зического и духовного бытия со своим народом и его прошлым, о. Сергей во все периоды своей жизни чувствовал свою глубокую укорененность в родной действительности, во всем богатстве, полноте и правде русской жизни. Это чувство реальности, эта глубокая (хотя иногда и неосознанная) сросшенность души с сверхличным бытием родной природы, родного народа, родной церкви, были для о. Сергея тем путеводным маяком, свет которого всегда освобождал его от власти отвлеченных, хотя бы и идеальных, схем. Его разочарование в марксизмѣ понятно: пустыня отвлеченного эконоимизма не могла надолго удержатъ правдивую и одаренную русскую душу; и путь “от марксизма к идеализму” явился общим путем многих мыслителей и ученых, раздѣлявших молодое увлечение о. Сергея. Но прорвавшись к идеалистической философіи и к религиозному мировоззрению, судьба их оказалась различной; ибо если для многих эта новая установка означала иную ориентацию мысли, иное философское и научное мировоззрение, то для о. Сергея это было вопросом жизни и духовного самоопределения. “Почвенность” его души властно звала его к конкретной и исторической реальности. И поэтому: не отвлеченное мировоззрение, а духовная жизнь; не философская спекуляция, а действенная религія; не абстрактный идеализм, а живая вѣра; не религиозная установка, а непосредственное участие в жизни церкви; одним словом, не “идеализм”, а православие, — вот итог этого пути, последним этапом коего было священство, — высшее и конкретнейшее осуществление его связи с предками, с родным народом, с его историей и судьбой. «В душе зрела воля к вере (пишет о. Сергей про это время, — “Свет Невечерний”, стр. 9): “решимость совершить, наконец, безумный для мудрости мира прыжок на другой берег, “от марксизма” и в с я к и х, с л е д о в а в ш и х з а н и м и з м о в ъ... православію»... Таким образом осуществилось его возвращение в Отчий дом, воцерковление его жизненных исканий, всего его философского и научного творчества; и это имеет для нас также “почвенное” — символическое и вместе конкретное значение. Во время чествования пятнадцатилетия священства о. Сергея (5 июня 1933, на съезде Русского Студентеского Христианского Движения — в Монфоре), В. Н. Ильин обратился к нему со следующими словами: “Отец Сергей, я особенно люблю вас за то, что вы были социалистом. Ибо преодолев марксизм, отрекшись от атеистических заблуждений, вернувшись в церковь, вы тем самым явились для нас символом и знаменем судьбы нашей родины. Ибо и она поддалась соблазну социалистического рая, и она в муках изживает заблуждения этой доктрины, и — верим, — что и она своей светлой душой придет к святыне Церкви и поклонится ей. А что вы не

остановились на пути христианского служения ученого и философа, но возжелали священства, наполняет нашу душу надеждой, что и народ наш, обратившись к Богу, возжаждет высшей святости и высших посвящений, и что Господь пошлет ему те духовные дары, которые прозревали в нем его пророки Хомяков и Достоевский”...

“Почвенность” о. Сергия связывает его, таким образом, с судьбою русского народа: его увлечения и искания можно рассматривать, как символические вехи в истории русской души, а его священство — как залог оцерковления русской интеллигенции (одним из духовных вождей которой о. Сергей безусловно был), а за нею — и всего русского народа.

Влияние почвенности не ограничилось, однако, переходным периодом мысли о. Сергия. Ибо отвлеченность и оторванность от почвы возможны и в православии (история русского богословия с его подчинением схоластическим влияниям Запада, с его преподаванием на латинском языке — достаточный тому пример); только “почвой” здесь является нечто совсем иное...

Обратившись к вере и начав грандиозную перестройку всего здания своей научной и философской мысли на новых основаниях, о. Сергей остался чужд абстрактности и схематичности отвлеченной науки и стремился укоренить свою мысль в самой реальности и жизненности исторического христианства. Эта “почвенность” его богословской мысли проявилась в двоякой форме. В первом периоде своего религиозно-философского служения (до своего священства) он с особым интересом и настойчивостью изучает те страницы истории Церкви, в которых реальность благодатных даров выявилась с наиболее потрясающей и неопровержимой силой. Сюда именно относятся его многочисленные статьи о первохристианстве, которые не только дают яркий образ этой блаженной эпохи молодости Церкви, но и определяют ряд философских, социальных и даже экономических проблем: ибо жизнь ранней Церкви навсегда остается вечным основанием и вдохновляющей силой для всей православной философии и культуры. Смысл этих исследований лежит не в историческом восстановлении прошлого: цель их — найти основание новому мировоззрению; основание не абстрактное, но жизненное: не учение, но его осуществление, не норму идеала, но конкретную и реальную историю и славу Церкви (не “убедительные слова человеческой мудрости, но явления духа и силы”, говоря словами ап. Павла — I Кор., II, 3). Вследствие этого, статьи эти обладают несравненной жизненностью: они не столько переносят нас в прошлое, сколько заставляют само это прошлое говорить на языке современности; и этим дается ряд

христианских установок в отношении самых жизненных проблем культуры (экономической, социальной, национальной, правовой) — из чего в свою очередь вырастают основные черты современного православного мировоззрения. Но это не все. Перейдя к исследованию чисто богословских проблем (в период своего священства), о. Сергей всегда стремился строить свою систему на твердом основании церковной реальности. Но так как жизнь Церкви есть, главным образом, ее молитва, то и богословие о. Сергия получило характер литургического и иконографического богомыслия. Священные слова церковной песни, мудрость молитв, “умозрение в красках” икон — все это обрело в его творчестве живой философский и богословский язык; это литургическое богатство никогда не служило для него иллюстрацией его построений; как раз наоборот — для его философии оно есть канон церковной жизни, норма духовной реальности, факт, от которого необходимо исходить в построении православной системы богословия; ибо православие — не теория, а жизнь... Эта установка не только связывает, но прямо сливает воедино умозрение и молитву, науку и богословие, философию и веру. Отвечая однажды (в день своего Ангела) студентам Богословского Института, отметившим этот жизненный характер его мышления и преподавания, о. Сергей сказал: “одно я могу засвидетельствовать со всею искренностью, что мое богословствование всегда вдохновлялось предстоянием алтаря”...

С почвенностью о. Сергия тесно связана другая особенность его творчества, которую правильнее всего назвать его «эсхатологичностью». Ибо оно никогда не удовлетворяется “данным”, всегда обращено к искомому, к чаемому, к грядущему. Земные горизонты о. Сергия никогда не удовлетворяют; он всегда жаждет “иного”, — и этот внутренний динамизм, присущий его мысли, делает ее волнующей и беспокойной.

“Знак этой книги стрела — Покоя и мира в ней нету”, говорит о книге его творчества современный поэт...

«Не является ли, как личная жизнь каждого из нас, так и жизнь всего исторического человечества непрерывным странствованием в стремлении к грядущему граду?» — спрашивает себя о. Сергей. И ответ на этот вопрос может служить эпиграфом ко всему его творчеству: “В этом движении к запредельной цели возможен только перерыв, но не остановка, по слову Апостола: “не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего възскуем” (“Два града”, т. I, стр. XXI). “Ибо цель истории ведет з а историю к “жизни будущего века”, а цель мира ведет з а мир — к “новой земле и новому небу” (“Свет Невечерний”, стр. 410). Эсхатология не является поэтому одной из тем о. Сергия,

главою среди других глав его творчества; ее правильнее определить, как основную категорию его мысли, как подразумеваемый коэффициент всех его построений, как таинственную и полную мелодию, слышимую им и в экономике, и в философии, и в богословии... "Эсхатологизм", как будто, противоречит «почвенности». Однако, противоречие это только кажущееся; ибо на самом деле небо и земля пребывают в состоянии антиномической сопряженности между собой. Связь эта таинственна и непонятна; но только тот, кто твердо стоит на земле, способен к горным взлетам высь; и только созерцающий мир с высоты, видящий его в перспективе вечной красоты и богозданной святости. Это понимал Достоевский, когда учил любить землю и быть ей верным во веки веков. И это именно осуществлял о. Сергей, как характером своего творчества, так и всем содержанием своей мысли.

И первым долгом это относится к его экономике. Обычно марксизм понимается, как сухая теория наукообразного материализма — "без божества, без вдохновения, без слез"... Таким он, повидимому, и был — по крайней мере, в сознании своих создателей и пророков. Однако, не таким видел его о. Сергей: "Под личиной холодного рационализма и теоретической жестокости в нем скрывается грусть человека о самом себе, тоска «царя природы» в плену у стихии этой самой природы... В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм человеческой жизни. Над человеком тяготеет проклятие — эта неволя разумных существ у мертвой, бессмысленной, чуждой нам природы, эта вечная опасность голода, нищеты и смерти... Такова тоска, которая слышится в экономическом материализме, и такова правда, облеченная в его научный пероглиф" ("Философия хозяйства", стр. 321). И эту спасительную тоску не в состоянии преодолеть тот наивный суррогат изматанного эсхатологизма, которым — вопреки своим собственным теориям — вдохновляется марксизм революционный. Ибо скачек из царства необходимости в царство свободы, теория крушения социального строя и утопия бесклассового общества бессильны преодолеть ту трагедию человека, которая не ограничивается его экономической неустроенностью, но уходит своими корнями в онтологию его бытия. Слушатели ранних курсов о. Сергия говорили нам, что в его изложении экономические категории всегда казались некоей призмой, в которой преломлялись и светились лучи иной реальности. "Горе имеем сердца" — этот возглас, который обрел всю присущую ему духовную силу в священстве о. Сергия, явственно звучал уже в его экономике, углубляя ее до проблематики космологии и антропологии, возводя ее до высот философского созерцания. В следующем философском пери-

оде эсхатологизм о. Сергия побуждает его к преодолению самой философии, к выходу за ее пределы — не только в теоретическом осознании ее естественных границ, но и в практическом трансцендензе области имманентного мышления. Философия всегда связана с опасностью самодостаточности и самодовольства: формы его могут быть очень разнообразны: от атараксии древних до величавого спокойствия Гегеля. Но мысль, сознающая себя абсолютной и объективной, всегда стремится стать высшим принципом жизни и ограничивает кругозор мыслителя своим собственным содержанием. В этом и заключается основной соблазн имманентизма, замыкающего философа в прозрачные и вместе непроницаемые стены собственного я, — независимо от того, вмещает ли оно в себя весь мир, или же ограничивает себя более узкою областью того, что заключено “в границы только разума”. Эта философская резинька ведет не к смиреннию разума, а к тому же интеллектуальному и метафизическому самодовольству, которым грешат и системы тождества; только в одном случае разум надмевается своей силой, а в другом — осознанием своего бессилия. Но в обоих случаях он является абсолютom и божеством...

У о. Сергия этот философский пафос преодолевается его философским вросом. Самодостаточности разума он противостоит жаждою Бога, а правду жизни предпочитает достоверности мысли. Сила философского созерцания от этого не уменьшается, и философ о. Сергий остается всегда; но обратившись к трансцендентному, “воззвав из глубины” к Богу, он переносит центр тяжести за пределы мыслимого, и, благодаря этому, само его созерцание становится славословием. “Бог есть — вот что раздается в человеческом сердце, бедном, маленьком, детском человеческом сердце. Бог есть — поет небо, земля и мировые бездны. Бог есть — откликаются бездны человеческого сознания и творчества. Слава Ему” (“Свет Невечерний”, стр. 22).

Если эсхатологизм в экономике и философии выводит мысль за их пределы, то каково может быть его значение в религии, которая не знает никаких пределов и которой, следовательно, нечего преодолевать? “Вера есть высшая и последняя жертва человека Богу — собой, своим разумом, волей, сердцем, всем своим существом, всем миром, всей очевидностью... это любовь человека к Богу исключительно ради самого Бога, это спасение от самого себя, от данности своей, от имманентности своей, это — ненависть к себе, которая есть любовь к Богу. Это — немой, умоляющий, ищущий жест, это — одно стремление: *sursum corda, sursum, sursum, sursum, excelsior!*” (“Свет Невечерний”, стр. 31).

Какой же здесь может быть эсхатологизм, когда вся сущ-

ность религии заключается в связи, в доступности бесконечного — трансцендентного конечному — имманентному? И, однако, нигде эсхатологизм о. Сергия не проявляется с такой огненной силой, как именно в его религиозной мысли. Как это возможно? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно противопоставить эсхатологизму ту духовную установку, которую можно обозначить как церковный позитивизм. Она состоит в удовлетворенности тем духовным опытом и теми формами культа и жизни, которые несет с собой положительная религия и историческое христианство. В известном смысле этот позитивизм является оправданным: ибо религия сообщает человеку такое духовное богатство, такую полноту, что ему кажется уже нечего больше желать, не к чему стремиться, ибо в Церкви уже дано все. Однако, и самое восприятие Церкви может быть двояким: ее можно мыслить как божественную данность, как “предложение обещания и надежды исполнение”; и ее можно чаять как грядущую полноту времен, в которой Бог будет все во всем. Соответственно этому чувство церковности может быть окрашено двойным пафосом: радости о данном и жажды обетованного; последним именно пронизано все Первохристианство с его скорым ожиданием второго пришествия Христова, с его молитвой: “ей, гряди, Господи Иисусе”.

В историческом христианстве этот эсхатологизм почти не чувствуется; ибо боговоплощение воспринимается в нем как совершившееся, откровение — как уже данное; соответственно этому — таинства, как сообщения благодати, перестают быть залогами будущего блаженства, но становятся самоцелью; а священство и жречество, связанные с ними, вытесняют обращенное к грядущему пророчество. Жизнь церковная довлеет себе. Апокалипсис и эсхатология, которые не могут быть устранены из канона, превращаются в средства педагогического воздействия и устрашения или же оказываются за пределом церковного употребления и практически отмирают (таковы судьбы обоих Апокалипсисов — Ветхо- и Ново-заветного: Песни Песней и Откровения, никогда не читаемых в церкви).

В этой связи эсхатологизм о. Сергия становится понятен, закономерен и нужен. Более того: он отвечает той жажде современной души, которая не может удовлетвориться церковным позитивизмом и ищет себе ответа вне церковной ограды. Поэтому эсхатологизм о. Сергия знаменует собою возвращение в Церковь всех человеческих чаяний, всей жажды и томления человеческого сердца, ищущего последних свершений; и вместе с тем он является пробуждением в современной церковности мотивов Первохристианства. Он есть жажда новых откровений; он есть стремление к той полноте осуществления, в отношении ко-

торой вся история Церкви есть только начало и первый шаг — к жизни будущего века. Боговоплощение и Пятидесятница воспринимались им не только как факты священной истории, но понимаются и истолковываются в контексте миротворения и парусии, каковые, в свою очередь, возводятся к своему последнему и вечному основанию: к жизни и взаимоотношениям Ипостасей вс св. Троице.

Поэтому все богословие о. Сергия исполнено трепетом и ожиданием; все оно пропитано лучами иного, незаходимого света; все оно есть молитва Христу “истее Тебе причащаться в невечернем дне царствия Твоего” (Канон св. Пасхи, песнь 9). И поэтому же жречество о. Сергия неразрывно связано с пророчеством. Самая глубокая укорененность в жизни церковной, самая сознательная законопослушность ей — никогда не делают его ее рабом, не лишают его той пророческой свободы, с которой он говорит о тайнах будущего века, к коим устремлена его душа. И может быть ничто не поражает в нем так сильно и глубоко, как это слияние воедино двух стихий: священства, связанного со всем богатством церковного прошлого, и пророчества, устремленного к грядущему. Но этот порыв вывсы, эта ненасытность его духа в приятии Божества сообщает всему его творчеству силу огненного потока, сожигающего сердца и увлекающего за собой к своему Первоисточнику — Богу.

Третьим “личным” фактором, определяющим философский стиль мышления о. Сергия является его необычайная способность к философскому и богословскому синтезу. Мы имеем здесь в виду не только многообразие его интересов, включивших в сферу его исследований самые различные области мысли и жизни: экономику и социологию, историю и филологию, поэзию и живопись, не говоря уже обо всех проблемах философии и богословия; но то свойство его ума, благодаря которому — преодолев те или иные точки зрения — он не отбрасывает их как изжитые и ненужные, но всегда стремится увидеть их частичную правду, выделить ее из обуржуаживающих заблуждений и включить в более высокий и полный синтез своей мысли. В этом смысле про философское творчество о. Сергия можно сказать, что оно все проникнуто глубоко положительным пафосом; он как бы осуществил на деле афоризм Лейбница о том, что всякое учение право в том, что оно утверждает и ложно в том, что оно отрицает. Так, преодолев марксизм и написав одно из лучших опровержений этой доктрины (мы имеем в виду его “Философию хозяйства”, которая именно вследствие этого и была переведена и издана на японском языке), о. Сергей выделил и удержал в своей системе ту “особую, неотразимую и жизненную правду (экономического материализма), что притерялась

и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью" ("Философия хозяйства", стр. 1). Преодолев и отринув претензии и требования критической гносеологии (которая подобно экономическому материализму не удовлетворяется значением метода, но хочет быть мировоззрением), о. Сергей сохранил в своем мышлении все ее положительные качества: "интеллектуальную честность, вместе с неусыпным труженичеством, аскезой труда и научного долга" ("Свет Невечерний", стр. 94). Поэтому все те мыслители, к творчеству которых о. Сергей прикасался спальником критики и возращения, никогда не оказывались просто отринутыми, отброшенными и забытыми. Своих идейных противников о. Сергей умел не только уважать, но и любить. В каждом из них он находил ту крупицу вечной правды, которая связывает их всех в цепь человеческой мудрости, делает их гражданами царства искания, созерцания и любомудрия. Это одинаково относится к Апполinariю и к Гариаку, к Толстому и к Федорову, к Вл. Соловьеву и к Пикассо. Никого из них о. Сергей не отрицает целиком, ибо в каждом из них была жива жажда истины; но для того, чтобы увидеть в их творениях эту истину и выделить ее из всей шелухи заблуждений и предрассудков, необходима глубокая укорененность в почве истории, сочувствие всем ее эпохам, вера в то, что жизнь человечества есть не ряд недоразумений и ошибок, но полное трагических неудач стремление к единой и всеобъемлющей истине.

Этот положительный пафос о. Сергея имеет особое значение для его понимания Церкви и церковной истины. Ибо если Церковь есть "полнота Наполняющего все во всем" (Еф. I, 23), то она действительно должна быть понимаема как высший синтез, включающий в себя все добро, всю мудрость, всю красоту — все, чем прекрасна природа и богата человеческая история. В этом смысле жизнь в Церкви означает не отрицание человеческих исканий, но их просветление и преображение, не осуждение заблуждений, но их понимание и исправление... Именно эта способность к высшему синтезу дала о. Сергию возможность рассматривать богословие, как высший венец всего человеческого знания, как увенчание (и вместе синтез) всех наук и искусств. В его мировоззрении нет области, которая была бы чужда религиозной реальности: от всего протягиваются нити к откровенным истинам о Боге, все возвещает о Его премудрости, благодати и славе. И если, по слову Псалмопевца, "небеса поведуют славу Божию, творение руку Его возвещает твердь" (Пс. XVIII, 1), то все научное и философское творчество о. Сергея есть не что иное, как раскрытие этой истины в диалектических формах, как усмотрение печати Творца во всем многообразии Его творения.

Четвертой характерной чертой о. Сергия, повлиявшей на весь строй его творчества, является его чисто русское стремление доходить во всем до конца. Это одинаково касается как его жизни, так и мысли. В жизни он не знал компромиссов и никогда не останавливался на полпути. “Поверив” в молодости в экономический материализм и в религию прогресса, он отдался им всей душой: оставил семинарию, прошел через чистилище гимназических испытаний, пожертвовал своими склонностями и интересами к философии, филологии и литературе, привязал себя “как к каторжной тачке” к политической экономии — все для того, чтобы “приносить пользу, служить человечеству, спасать отечество”. И вот — уже окончив Университет и получив научную командировку за-границу (в 1898 году), он “с благоговением взирал на самую улицу, по которой ступали “вожди” (марксизма), и в услаждение ему была вся тошнота Берлинского асфальта и убийственное бездушие улиц” (“Две встречи”, “Автобиограф. Заметки”, стр. 103). Когда же пришло разочарование в марксизме, и он освободился от “плена научности — этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, для полубразованной толпы” (“Свет Невечерний”, стр. 8), — тогда с такой же силой и последовательностью он отдался “мрачной герценовской резиньяции”... Вера далась о. Сергию не даром; чашу сомнений и душевной борьбы он испытал полностью: горнило, чрез которое прошла его осанна, заключало в себе не только психологическое противление просыпающейся к вере души, но и тяжелую борьбу ума: сначала в преодолении предрассудков и заблуждений, а затем — в осознании религии как высшей и абсолютной истины, в подчинении ей всех областей знания и жизни.

Но вот — чудо совершилось. Бывший материалист и атеист — снова в Церкви: “на все глядел я новыми глазами, ибо знал, что и я призван, и я во всем этом соучаствую: и для меня и за меня висел на древе Господь и проливал пречистую кровь Свою, и для меня здесь руками перее готовится святейшая трапеза”... (“Свет Невечерний”, стр. 10). За обращением следуют долгие годы труда и подвига — “воплощение в умозрения религиозных созерцаний, связанных с жизнью в Православии” (Предисловие к “Свету Невечернему”). Но это семнадцатилетнее религиозно-философское служение, полное таких озарений и вдохновений, о. Сергий не удовлетворяет. В своей религиозной жизни он так же стремится дойти до конца: “в душе поднималось желание полного уже возвращения в Отчий дом, с приятным священства” (“Автобиографические Заметки”, стр. 37). Для этого необходимо было преодолеть невообразимые трудности, о которых — вне историче-